

*О. И. Гамали,
кандидат филологических
наук, доцент
Криворожский государственный
педагогический университет*

ОРИГИНАЛ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ЕГО ПЕРЕВОД КАК ДИАЛОГ МЕЖДУ ЯЗЫКОВЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ «УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ» И. ФРАНКО И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК А. АХМАТОВОЙ)

Гамалі О.І. Оригінал поетичного тексту і його переклад як діалог між мовними особистостями автора і перекладача (на матеріалі ліричної драми І. Франка «Зів'яле листя» і її перекладу російською мовою А. Ахматової).

У статті розглянуто оригінал ліричної драми І. Франка «Зів'яле листя» і його переклад російською мовою «Увядшие листья», що виконаний А. Ахматовою, в аспекті діалогу між мовними особистостями автора і перекладача. Установлено, що переклад віддзеркалює всі рівні мовної особистості не тільки автора, а й перекладача.

Ключові слова: переклад, мовна особистість, мовні засоби, автор, перекладач, лірична драма «Зів'яле листя», І. Франко, А. Ахматова.

Гамали О. И. Оригинал поэтического текста и его перевод как диалог между языковыми личностями автора и переводчика (на материале лирической драмы «Увядшие листья» И. Франко и ее перевода на русский язык А. Ахматовой).

В статье рассматривается оригинал лирической драмы И. Франко «Зів'яле листя» и его перевод на русский язык «Увядшие листья», выполненный А. Ахматовой, в аспекте диалога между языковыми личностями автора и переводчика. Установлено, что перевод отражает все уровни языковой личности не только автора, но и переводчика.

Ключевые слова: перевод, языковая личность, языковые средства, автор, переводчик, лирическая драма «Увядшие листья», И. Франко, А. Ахматова.

Hamali O. I. An Original of Poetic Text and It's Translation as a Dialogue between an Author's and a Translator's Language

Personalities (according to the Lyric Drama «Withered Leaves» by I. Franko and It's Translation into Russian by A. Akhmatova).

The article deals with the analysis of the text of lyric drama «Withered Leaves» («Зів'яле листя») by I. Franko in Ukrainian language and it's Russian translation by A. Akhmatova in the aspect of the dialogue between the author's and translator's language personalities. It was found that the translation reflects all levels of the language personality of not only the author, but also the translator.

Key words: translation, language personality, language means, author, translator (interpretator), lyric drama «Withered Leaves», I. Franko, A. Akhmatova.

Постановка проблеми. Поетический перевод всегда представлялся мостом между языками и культурами, важность которого невозможно переоценить. Как писал сам Иван Франко, «передача чужої поезії різних віків і народів рідною мовою збагачує душу цілої нації, присвоюючи їй такі форми і вирази чуття, яких вона не мала досі, будуючи золотий міст зрозуміння і спочування між нами і далекими людьми, давніми поколіннями» [6, с. 253]. С мыслью украинского поэта и ученого перекликается мнение русского поэта А. Тарковского о том, что «подлинный переводчик стихов прежде всего поэт, участник великой круговой поруки добра и правды, что поле его деятельности — весь мир и все времена, устремленные к грядущему [7, с. 11]. Однако необходимость и даже правомерность перевода с родственных языков, в частности с русского на украинский и, в меньшей степени, с украинского на русский, долгое время подвергалась сомнению или ограничивалась рамками лексикографии (С. И. Головащук, Л. Ф. Миронюк, Н. С. Можейко, Н. Н. Пилинский, Н. И. Сукаленко и др.). Доступность оригиналов художественных текстов для носителей родственного языка часто преувеличивалась, а ценность переводов оспаривалась. К счастью, вопрос о правомерности и необходимости переводов на родственные языки давно переместился из области теоретических обоснований в переводческую практику. Соответственно, повышается интерес к качеству перевода, анализируется и оценивается опыт переводчиков. Случаи же «сотворчества» двух выдающихся поэтов, каковыми, бесспорно, являются Иван Франко и Анна Ахматова, не могут не привлекать особого внимания, что и обеспечивает работе **актуальность.**

Цель работы — на примере текстов оригинала лирической драмы И. Франко «Зів'яле листя» и его перевода на русский язык, выполненного А. Ахматовой, обосновать положение о том, что текст перевода представляет собой не только интерпретацию оригинала

средствами другого языка, но является результатом своеобразного диалога языковых личностей автора и переводчика.

Анализ исследований и публикаций последних лет.

Лирическая драма «Зів'яле листя» («Увядшие листья») справедливо считается вершиной любовной лирики Ивана Франко — украинского поэта, прозаика, публициста, ученого, политического деятеля. «Зів'яле листя» ставится в один ряд с «Песнею песен» Соломона, стихами Сапфо, сонетами Петрарки, Камюэнса, Ронсара и другими шедеврами мировой любовной лирики, поскольку «именно этим сборником Франко причислена и наша украинская литература к мировым, самым щемлящим, пронзительным, всем народам и поколениям понятным напевам влюбленной души» [4, с. 23]. Отмечается, что «в “Зів'ялому листі” представлены почти все формы поэзии, известные европейской литературе с самых давних до наших времен: стихотворение, построенное по изысканной схеме ударений, как у Горация, сонет и терцина (эта последняя, безусловно, самая любимая поэтическая стихия Франко), обычные ямбические, хореические, дактилические строфы с разнообразной системой рифм и количеством слогов в строке, белый интонационный стих и виртуозные подражания народным песням... <...> Тут царит энергия формы» [4, с. 13].

Примечательно, что в последнее десятилетие изучаются не столько тексты, входящие в сборник, как таковые, сколько их переводы на разные языки. Исследователи рассматривают переводы лирики Франко или в контексте общей теории перевода [8], или в качестве образца переводческой практики в аспекте эквивалентности, адекватности, удачности, уместности, причем сквозь призму теории перевода, представленной в работах самого И. Франко [1, 11]. Попутно заметим, что во всех зафиксированных нами случаях в качестве примера русских переводов лирики И. Франко используются тексты, переведенные А. Ахматовой и входящие в сборник «Зів'яле листя» / «Увядшие листья».

Так, К. В. Фёдорова, суммируя наблюдения предшественников, подчеркивает, что специфика и особая сложность межславянских переводов обусловлена стилистическим, лексико-семантическим и грамматическим неравенством фонетически похожих или тождественных слов [8, с. 118], необходимость преодоления межъязыковой омонимии и энантиосемии иллюстрирует именно ахматовским переводом стихотворения И. Франко «Магінка моя ріднесенька» и констатирует, что А. Ахматова успешно решила основные переводческие задачи.

И. Теплый, сопоставляя переводы стихотворения «Так, ти одна моя єдина любов» на английский, польский и русский языки, отмечает, что

перевод А. Ахматовой счастливо воспроизводит формальную (рифма, строфика, ритм, грамматика и т. д.) и сущностную, содержательную (лексика, образы, стилистика, экспрессия) стороны стихотворения [11, с. 287–288]. Н. Р. Грицак, сравнивая две русскоязычные версии стихотворения И. Франко «Сипле, сипле, сипле сніг...», принадлежащие А. Ахматовой и М. Цветаевой, приходит к выводу, что «А. Ахматова и М. Цветаева сумели передать настроение лирического героя, его душевную боль и разочарование в будущей жизни. <...> Таким образом, предложенные переводы, полагаем, способны передать многозначность лаконичного слова, психологическую форму текста стиха, а также тональные и интонационные колебания музыки этого стихотворения» [1, с. 208].

Важным представляется замечание, сделанное Н. Р. Грицак: «Внимание русских художников слова, по нашему мнению, обусловлено ощущением духовной близости с И. Франко, убеждением, что их мировидение перекликается с мировосприятием украинского поэта. Отсюда — восхищение неповторимыми ритмами, сильным и звонким поэтическим голосом, монументальными темами поэзии И. Франко и, соответственно, желание донести свою версию украинского текста русскому читателю. Постановка вопроса о психологической совместимости украинского и русских поэтов дает нам возможность понять, какие факторы побуждают одного поэта переводить творческое наследие другого поэта, по каким причинам на переводческие версии он затрачивает свои силы, энергию, в конце концов, вдохновение» [1, с. 205].

Однако до сих пор не стало предметом отдельного исследования изучение текста перевода А. Ахматовой лирической драмы И. Франко «Зів'яле листя» в аспекте своеобразного диалога языковых личностей автора и переводчика.

Изложение основного материала. По мнению А. Сербенской, «стилевую доминанту он [И. Франко — О. Г.] видел прежде всего в личности, способе ее мировосприятия. В многочисленных замечаниях Франко о стиле, брошенных иногда между прочим, большое внимание к языковой личности, проявлению ее творческих возможностей. Он постоянно искал ответы на вопрос, в каком направлении работает мысль, что влияет на ее формирование и способ выражения. <...> Каждое произведение он расценивал главным образом как продукт речевой деятельности, в котором проявляется личность, ее жизненный опыт, воспитание, культура, талант, а также такие индивидуально-психологические качества, как темперамент, характер, настроение. По сути, все, что так или иначе связано с творчеством, — будь то

небольшая штудия или исследование о сложном в развитии истории народа времени, — все у Франко пронизано пониманием сущности человека, во всем — большое внимание к языку» [6, с. 77]. Таким образом, И. Франко предвосхитил ставший актуальным почти сто лет спустя аспект лингвистического анализа — изучение языковой личности. Думается, перевод необходимо рассматривать не просто в ракурсе адекватности воспроизведения исходного текста, но как процесс и результат взаимодействия двух языковых личностей со всеми их особенностями. Разумеется, такой подход трудно реализовать, если переводится отдельная стихотворная миниатюра. Желательно, чтобы он был обеспечен достаточной «протяженностью» текста, хотя бесспорно и то, что целостная картина, как мозаика, складывается из «миниатюр».

Что касается Анны Ахматовой, то ее речь, «(по замечанию ряда исследователей ее творчества) ближе к языку русской реалистической прозы, чем к метафорическому неистовству первой четверти нашего столетия. Искусство поэзии знает то счастливое совпадение синтаксиса и ритма, которое оставляет неизгладимое впечатление лучшего слова на лучшем месте, впечатление высочайшего поэтического мастерства, достигшего такого уровня, что оно более не представляет собой самостоятельной ценности: теперь это только служебная часть целого, и мастерство поэта нам уже незаметно; мы слишком заняты восприятием единства, чтобы обращать внимание на частности. Таково искусство Анны Ахматовой. Если цель реалистической поэзии — представить наиболее верное по сути и духу подобие мира, то цель реалистического (не будем бояться терминологической неувязки!) стихотворного перевода — представить иноязычный оригинал в наиболее верном его сути и духу воплощении» [7, с. 7].

Переводческая деятельность не стала для Анны Ахматовой настолько важной составляющей творчества, как, к примеру, для Б. Пастернака или М. Цветаевой. Современники пишут о том, что обращение к переводам было для Ахматовой вынужденной мерой в годы опалы. «... ее поэтическая деятельность (после выступления Жданова) фактически прекратилась. Переводы были единственным доступным средством к существованию» [9]. По многим свидетельствам, в переводческой деятельности ей ассистировали помощники [9], однако решающее слово оставалось за Ахматовой. Тем не менее, список переводов, выполненных А. Ахматовой, весьма обширен (150 поэтов, творивших на 78 языках) [1, с. 204], однако из украинских авторов она переводила только И. Франко. Немаловажно и то, что украинский язык

не был для Ахматовой абсолютно чужим, она могла воспринимать украинскую поэзию в подлиннике.

Обратим внимание еще на одно, думается, существенное обстоятельство. Поэзию И. Франко на русский язык переводили многие безусловно талантливые, авторитетные переводчики, часть из которых была еще и известна собственными поэтическими сочинениями или лингвистическими изысканиями. Кроме М. Цветаевой, это С. Городецкий, В. Инбер, В. Звягинцева, Л. Успенский, А. Прокофьев, Вс. Рождественский и Д. Бродский и другие. Переводили до и после Ахматовой. Но это были переводы отдельных стихотворений, в том числе и из лирической драмы «Зів'яле листя» / «Увядшие листья». Только Анна Андреевна Ахматова перевела весь сборник. Во всяком случае, только она, по нашим данным, была удостоена публикации всего цикла как законченного произведения. И в этом ракурсе ее переводческая работа подробно, за исключением давней небольшой работы Э. Ф. Морозовой и В. П. Попова [3], до сих пор не рассматривалась. Таким образом, сопоставление оригинала и перевода цикла в целом позволило бы высветить особенности языковой личности переводчика (в нашем случае А. Ахматовой), проявившиеся в тексте.

«Зів'яле листя» И. Франко не просто шедевр любовной лирики. Это своеобразный гимн любви неразделенной, неутоленной. Тема чрезвычайно близкая А. Ахматовой. Как писал в воспоминаниях К. Чуковский, «изо всех мук сиротства она особенно облюбовала одну муку: муку неразделенной любви. Я люблю, но меня не любят; меня любят, но я не люблю — такова была ее постоянная тема. У нее был величайший талант чувствовать себя разлюбленной, нелюбимой, нежеланной, отверженной. В этой области с нею не сравнялся никто» [10, с. 504]. Возможно, И. Франко своей лирической драмой?

Приведем несколько примеров.

Стихотворение «Як почувеш вночі...» Д. Павлычко причисляет к «гениальнейшим поэтическим творениям мировой любовной лирики», «бриллиантом-самородком», без которого «трудно представить себе гигантский материк поэзии Франко» [4, с. 12]. Вот его текст:

*Як почувеш вночі край свого вікна,
Що щось плаче і злипає важко,
Не тривожся зовсім, не збавляй собі сна.
Не дивися в той бік, моя пташко!*

*Се не та сирота, що без мами блука,
Не голодний жебрак, моя зірко;*

*Се розпука моя, невтишима тоска,
Се любов моя плаче так гірко.* (1, с. 306)

В тексті виражена сдержанная, чуть іроничная и, заметим, вполне мужская емоція. Любовь поета плачет горько, безутешно, но скромно, «по-сиротски», тихо, чтобы не потревожить сон любимой.

Обратимся к переводу А. Ахматовой:

*Если ночью услышишь ты, что за окном
Кто-то плачет уныло и тяжело,
Не тревожься совсем, не прощайся со сном
И в окно не смотри, моя птишка!*

*Там не тянется нищей сиротки рука,
Там не стонет бродяга бездомный, —
Это воем отчаянье, плачет тоска,
Это вопли любви неумной.* (1, с. 307)

Звуковой и образный рисунок оригинала, в целом, сохранены. Однако во втором катрене эмоциональные акценты несколько смещены. Во-первых, осталось без эквивалента повторное ласковое обращение к любимой *моя зірко*; а во-вторых, вместо тихого мужского плача появились совсем иные звуки — вой и вопли. В значениях слов *вой* — «2. Протяжный громкий плач, вопль» (2, с. 77) — и *воплъ* — «Громкий и протяжный крик, плач» (2, с. 77) — присутствует сема 'громкий'. Таким образом, сдержанная мужская емоція подається в переводі як крик душі, нескриваемое, яркое выражение душевного страдания, усиливающее ассоциацию с болью. Думается, это, скорее, женское проявление чувства. Хотя Анну Андреевну характеризовали как женщину, главная черта которой — вряд ли сочетаемая с криком и стенаниями «величавость», «царственность» [10, с. 498], тем не менее, женские реакции были ей не чужды.

Отчасти подобное прочтение подтверждает образец «мужского» — еще «доахматовского» — перевода, выполненного Б. Тургановым (цитируем последний катрен):

*Не бездомный бродяга грустит о судьбе,
Не голодный бедняк, моя зорька, —
Это вся моя скорбь и тоска по тебе,
Это плачет любовь моя горько.* (3, с. 253)

Сохранена ласковая интонация, выраженная обращением, и нет дополнительных указаний на громкость плача.

Заслуживающим внимания представляется отношение переводчика А. Ахматовой к деминутивам, которые весьма частотны в тексте оригинала. Умиление, нежность, испытываемые к любимой (любимым) и всему связанному с ней, вполне оправданны в устах лирического героя И. Франко. Более того, по наблюдению К. Чуковского, деминутивы в украинском языке, как правило, лишены приторности и слащавости [8, с. 119], в то время как в русском уменьшительно-ласкательные слова нередко признаются атрибутикой женской речи или маркируются как просторечные. А. Ахматова, как исключительно тонкий стилист, преимущественно избегает деминутивов в переводах. В результате русская версия текста, сохраняя экспрессию, избегает сентиментальности: *зіронько* — *милая* (1, с. 290–291), *сердечко* — *сердце*, *стебелюночка* — нет эквивалента (1, с. 292–293), *дівчатонька* — *девушки*, *личко* — *лицо* (1, с. 266–267), *листочки* — *листья* (1, с. 254–255), *устонька* — *губы* (1, с. 268–269) и т. д. В контексте: «*Зелений явір, зелений явір, / Ще зеленіша іва; / Ой між усіми дівчатоньками / Лиш одна мені мила. / Червона рожса, червона рожса / Над усі квіти гожа; Не бачу рожі, не бачу рожі, / Лиш її личка гожі*», — и, соответственно, «*Явор зеленый, явор зеленый, / Но зеленее ива. / Так для меня из девушек милых / Только одна красива. / Алая роза, алая роза / Других цветов горделивей. / Не вижу розы, не вижу розы, / Лицо ее роз красивей*» (1, с. 266–267). Не отражаются в переводах адвербиальные деминутивы, которые в русском языке имеют ярко выраженную разговорно-просторечную окраску: *байдужісінько*, *спокійнісінько*, *швиденько* и т. д.

Деминутивы сохраняются там, где их требует, например, фольклорная поэтика, используемая автором: «*Матінко моя ріднесенька!*» / «*Матушка ты моя родненькая!*» (1, с. 352–353), «*Отсе тая стежечка. . .*» / «*Вьется та тропиночка. . .*» (1, с. 292–293) и др. Например: «*Отсе тая стежечка, / Извивается, / А у мене серденько / Розривається*» и «*Вот идет тропиночка, / Извивается, / А сердечко бедное / Разрывается*» (1, с. 292–293).

Интересным является пример активизации деминутивов в русском переводе финального стихотворения цикла — «*Отсей маленький инструмент. . .*» / «*Такой удобный инструмент. . .*» (1, с. 378–379). Лирический герой на пороге смерти. В переводе появляются деминутивы *патрончик*, *орешек* (о пуле), отсутствующие в оригинале. Этот прием позволяет А. Ахматовой — переводчику и прекрасному поэту в одном лице — передать браваду отчаявшегося и решившегося на последний шаг человека, пользуясь выразительными средствами, свойственными русскому языку.

Примечательно также, что в тексте перевода, в отличие от оригинала, в изобилии представлены славянизмы (*взлелеяно, возлюбленный, восславил, возненавидеть, обольщение* и т. п.), которые, как известно, для читателя русской как поэзии, так и прозы традиционно окрашены в высокие тона. А. Ахматова привычными для себя (о чем было сказано выше) и своего читателя средствами воссоздает атмосферу высокого всепоглощающего трагического чувства, которым пронизана лирическая драма И. Франко.

Таким образом, в процесс перевода вовлекаются и в нем отражаются все уровни языковой личности [2] как автора исходного текста, так и его переводчика: вербально-семантический, когнитивный (выбор единиц в переводе подчинен мировоззрению не только автора, но и переводчика), прагматический (в переводе отражаются мотивы, интересы, установки и т. д. и автора, и переводчика), наконец, ситуативный (переводчик «ставит себя на место» автора или его лирического героя, пропускает ситуацию через свое Я, пользуется собственным языковым опытом). Это особенно заметно, когда языковая личность переводчика обладает не меньшей яркостью, чем личность автора, как в случае И. Франко и А. Ахматовой.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Сопоставление текстов украиноязычного оригинала лирической драмы И. Франко «Зів'яле листя» и его перевода на русский язык, выполненного А. Ахматовой, показало, что переводной текст отражает особенности языковой личности переводчика на всех ее уровнях от низшего, вербально-семантического, обеспечивающего набор языковых единиц, через когнитивный и прагматический, до высшего, ситуативного, отвечающего за специфику видения, интерпретации исходного текста. В частности, это сдержанное отношение к деминутивам, не всегда соответствующая оригиналу высокая поэтическая подача трагических любовных переживаний, изображение «женских» проявлений эмоций. Осознаваемая нами фрагментарность анализа позволяет говорить о том, что вывод отчасти имеет характер предположения, нуждающегося в более глубоком обосновании, что открывает перспективы дальнейшего изучения в указанном аспекте как рассмотренных, так и иных оригинальных и переводных текстов.

Список использованной литературы

1. Грицак Н. Р. Анна Ахматова і Марина Цветаєва: дві перекладні версії однієї поезії Івана Франка // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира

- Гнатюка. Серія: Літературознавство / за ред. д. ф. н. М. П. Ткачука. Тернопіль: ТНПУ, 2016. Вип. 44. С. 204–208.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
 3. Морозова Э. Ф., Попов В. П. «Зів'яле листя» Івана Франко в перекладі Анни Ахматової // Іван Франко і світова культура: Матеріали міжнародного симпозіуму ЮНЕСКО (Львів, 11–15 вересня 1986): У 3 кн. / Упоряд. Б. З. Якимович. К.: Наук. думка, 1989. Кн. 2. С. 239–242.
 4. Павличко Д. В. «Зів'яле листя» Івана Франка: літературознавче дослідж. 2-ге вид. К.: Веселка, 2006. 23 с.
 5. Переклади творів Івана Франка. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Переклади_творів_Івана_Франка_іншими_мовами#Російською
 6. Сербенська О. А. Мовний світ Івана Франка (Статті, роздуми, матеріали): Монографія. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. 372 с.
 7. Тарковский А. Предисловие // Голоса поэтов: стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. М.: Изд-во «Прогресс», 1965. С. 5–11. URL: https://imwerden.de/pdf/mastera_poet_perevoda_04_akhmatova_golosa_poetov_1965.pdf
 8. Фёдорова К. В. Художественный перевод в межславянском литературном пространстве (стилистический, лексико-семантический, грамматический аспекты) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 5. Казань, 2012. С. 118–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-perevod-v-mezhslavyanskom-literaturnom-prostranstve-stilisticheskiy-leksiko-semanticheskiy-grammaticheskiy-aspekty/viewer>
 9. Харджиев Н. И. О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/hardzhiev-o-perevodah-v-literaturnom-nasledii.htm>
 10. Чуковский К. И. Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 498–533.
 11. Tepluu Ivan/ Ivan Franko's «Withered Leaves» in a translation studies perspective (based on new translations of the poem («You're My Only and True Love Indeed...»))// Науковий вісник Національного університету біоресурсів і природокористування

України. Серія : Філологічні науки. 2016. Вип. 245. С. 282–291. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/nvnauc_fil.

Список источников фактического материала

1. Ахматова А. Стихотворения / Ахматова А. Поезії: літературно-художественное издание. К.: Вид-во художньої літ-ри «Дніпро», 1989. 390 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
3. Франко И. Избранные сочинения: перевод с украинского / под ред. М. Ф. Рыльского и Б. А. Турганова. В 5 т. Т. 1. М.: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1948. 607 с.